

Торопицын И.В.

Служба казачьих городских команд в Нижнем Поволжье (первая половина XVIII в.)

В историографии ранний этап жизни и служебной деятельности городских казачьих команд на территории Нижнего Поволжья (первая половина XVIII в.) освещен весьма кратко. Сведений о времени их образования, характере их формирования и службе немного. Традиционно считается, что в большинстве городов Нижнего Поволжья городские казачьи команды появились в конце правления Петра I в процессе реорганизации существовавших здесь стрелецких и других воинских команд. В качестве даты их образования исследователи ссылаются на указ 1721 г., отмечая, что численный состав казачьих команд в городах Поволжья определил в 1721-1722 гг. первый астраханский губернатор А.П. Волинский. Состав казачьей команды определялся в Дмитриевске в количестве 50 казаков, в Царицыне – 100 казаков, в Черном Яру – 100 казаков, в Красном Яру – 50 казаков. До недавнего времени считалось, что численность Саратовской казачьей команды составляла 200 казаков. Однако обнаруженный нами указ Астраханской губернской канцелярии подполковнику Репьеву в Саратов от 9 июля 1723 г. называет меньшую цифру. Указ предписывал «конных казаков в Саратовском гарнизоне числить и давать его императорского величества жалованье по предложению Астраханской губернской канцелярии, а именно сотник один, казаков сто пятьдесят человек, а которые сверх означенного указанного числа остались, о тех в Астраханскую губернскую канцелярию прислать именной список». В нем поручалось отразить подробные биографические данные каждого человека: откуда родом, когда, кем и по какому указу был зачислен в казачью службу, в каком чине служил, годен ли к продолжению казачьей службы [3, л. 314об.].

Созданные в городах Поволжья казачьи команды не были единственной воинской силой. В 1723 г. в гарнизонах поволжских городов наряду с казаками

служили солдаты и другие служилые люди. Наиболее полные сведения имеются в отношении гарнизонов Черноярской и Дмитриевской крепостей. В Черном Яру в составе гарнизона помимо солдат (офицеров, унтер-офицеров, капралов и рядовых) и казаков служили сторож, воротник, пушкари [3, л. 133об.]. В Дмитриевском гарнизоне среди служилых людей числились конные казаки, пешие солдаты и офицеры, а также пушкари, ружники, сторожа, воротники [3, л. 329]. Солдаты находились под командой офицеров. В Черном Яру казаками командовал сотник, данных о командном составе Дмитриевской казачьей команды не приводится. В чьем ведении находились в Черноярской и Дмитриевской крепостях сторожа, воротники, пушкари и ружники, установить сложно. Не исключено, что некоторые из этих лиц были в ведении городничего, который упомянут среди командного состава Черноярского гарнизона, либо напрямую подчинялись коменданту крепости.

Данных, чтобы судить о том, что представлял собой штат городской казачьей команды в момент ее образования, недостаточно, тем более что все они имели разную численность. Астраханский губернатор В.Н. Татищев выделял в штате казачьей команды следующие должности: полковник, подполковник, есаул, хорунжий, сотник, пятидесятник, писарь, толмач. Но, очевидно, не все они присутствовали в штате той или иной казачьей команды в городах Поволжья. Так, в Красном Яру и Дмитриевске, где казачьи команды состояли из 50 человек, ее командный состав мог быть ограничен, а там, где численность была 100 и выше человек, командный состав, наоборот, мог быть расширен. Так, в 1734 г. Самарскую казачью команду возглавлял атаман, в ней служили сотники, хорунжие, пятидесятники, капралы, писарь. В 1786 г. в составе Черноярской команды значились сотник, хорунжий, два пятидесятника, писарь и 96 казаков, а в Красноярской команде, численность которой по-прежнему не превышала 50 человек (еще 30 было приписано к ней), числились сотник и два хорунжих [10, с. 13, 17].

Среди служилых людей поволжских городков в 1730-1740-х гг. встречается также упоминание толмача. Теоретически в роли переводчика мог выступить

пить любой человек, знающий соответствующий язык. Однако грамотных переводчиков, знающих калмыцкий и татарский языки, в Астраханской губернии не хватало. Губернатор В.Н. Татищев, рассматривая штат казачьих команд, предлагал правительству установить специальную денежную надбавку толмачу «пред рядовыми» наряду с писарем, хорунжим и другими должностями, чтобы материально заинтересовать казаков [21, с. 229]. Это позволяет предположить, что должность переводчика имела вполне официальный статус. Не случайно должность Сергея Ваулина, отправленного черноморским дворянином С. Казанцевым к владельцу Дондук Омбо, была указана как толмач, а не иначе. В то же время должность толмача могла служить определенной ступенью для дальнейшего продвижения по службе вплоть до должности коменданта и получения дворянского звания [17, л. 89-89об.].

Кроме указанных лиц, в волжских городах служили местные дворяне. По своему статусу они отличались от казаков, несмотря на то, что их вместе привлекали к службе. Так, в 1739 г. в Военной коллегии рассматривался вопрос о переселении самарских и алексеевских дворян и казаков на Яик, где планировалось организовать два новых городка и разместить в них Казанский драгунский полк [8, л. 5]. Дворяне привлекались к выполнению различных поручений. В 1731 г., например, черноморский дворянин Семен Казанцев был послан полковником Беклемишевым, которому были поручены калмыцкие дела, с грамотой к калмыцкому владельцу Дондук Омбо, которого нашел в урочище Сасыколь [2, с. 74], в 1738 г. черноморский дворянин Сергей Ваулин исполнял обязанности коменданта Черноморской крепости [17, л. 86об.].

Жалованье казакам (денежное и хлебное) выплачивалось централизованно. Так, Черноморской казачьей команде на 1723 г. полагалось на 100 человек 500 четвертей ржи, 150 четвертей овса. Для сравнения солдатам и офицерам, служившим в Черном Яру, на 161 человека полагалось на тот же год 483 четверти муки и 30 четвертей круп. Эти припасы доставляли в Черный Яр по Волге из верховых городов [3, л. 206]. Хлебное жалованье выдавалось только на наличных людей под расписки. Сведений о размере денежного жалованья, ко-

торое полагалось казакам в 1723 г., в имеющихся документах не приводится. Известно лишь, что на весь Черноярский гарнизон в 1723 г. на «январскую треть», включая жалованье казачьему сотнику за прошлый 1722 г. в период с июля по декабрь и городничему с сентября по декабрь 1722 г., было выделено 578 рублей 20 алтын 3 деньги. В эту сумму входили «медикаментские» (4 рубля 23 алтына 5 денег) и «мундирные» (79 рублей 29 алтын) деньги, которые приказано было вычесть из общей суммы при выдаче денежного жалованья гарнизону. Кроме того, по указу из Военной коллегии из положенного жалованья штаб- и обер-офицеров, сотника и городничего приказано было удержать четвертую часть («сверх вычетных медикаментских денег») – 13 рублей 16 алтын полторы деньги [3, л. 133об.-134].

В отношении Красноярской, Царицынской, Дмитриевской казачьих команд сведений еще меньше. На «январскую треть» в 1723 г. на весь Красноярский гарнизон, включая казаков, полагалось денежного жалованья 804 рубля 10 алтын, в том числе «медикаментских» денег 8 рублей 20 алтын 4 деньги и «мундирных» – 152 рубля 8 алтын 2 деньги [3, л. 73], которые приказано было вычесть из выдаваемой суммы. Данных в отношении Царицынского и Дмитриевского гарнизона вообще не приводится. Указано лишь, что выплату жалованья производить им из местных таможенных и кабацких сборов, а если в Дмитриевске нужной суммы не будет хватать, то требовать присылки остатка из Саратова.

Составить представление о жалованье городovým казакам мы можем по документам позднего времени. В 1735 г. генерал-лейтенант В. Левашов предложил проект строительства новых городков по Волге и заселения их донскими или яицкими казаками. «Жалованье тем казакам определить против черноярских, – рекомендовал он, – денег по осми рублев человеку, муки и овса по толикому ж числу четвертей» [1, л. 2-2об.]. Приблизительные подсчеты показывают, что содержание казачьей команды в Черном Яру обходилось государству в 1735 г. не менее чем в 800 рублей, 800 четвертей муки и 800 четвертей овса. По сравнению с 1723 г. рост расходов на содержание казачьей команды значи-

тельно вырос. Резонно предположить, что по аналогичному принципу финансировалось содержание казачьих команд и в других городах Поволжья. В то же время казакам Волжского войска, созданного в 1734 г., которое было расселено между Царицыным и Саратовом, было назначено иное годовое жалование. Атаман получал 15 рублей и по 10 четвертей муки и овса, два старшины получали по 10 рублей и по 8 четвертей муки и овса каждый, рядовые казаки получали по 5 рублей и по 3 четверти муки и овса [1, л. 6]. Но при этом волжские казаки, поселенные под защитой Царицынской укрепленной линии, имели возможность в отличие от городских команд заниматься хлебопашеством, имели установленные для казачьих войск льготы. Царицынский комендант П. Кольцов и полковник В. Беклемишев докладывали Военной коллегии в 1740 г., что волжские казаки «имеют многие торги и шинки и продажу вина употребляют, от чего в Дмитриевску, а особливо в Царицыне в таможенных и в кабацких казенных сборах великое помешательство чинится, ибо чрез те их городки купцы с товары и с припасы, не явясь в таможнях и не платя пошлин проезжают на Дон» [1, л. 4]. Впрочем, выданного жалованья казакам хватало только для того, чтобы вести скромный образ жизни. Типичным домом для жителя Черноярской крепости в первой половине XVIII в. являлась низкая мазанка [13, л. 1192об.]. Не случайно астраханский губернатор В.Н. Татищев, предлагая свой план создания новых городков на Волге, рекомендовал повысить жалованье казачьим командам, расположенным ниже Царицынской линии. Царицынским казакам – до 10 рублей в год, а всем городовым казакам, городки которых располагались ниже той линии, до 13 рублей в год [14, л. 622].

Функции

На казачьи команды были возложены функции, которые прежде выполняли местные служилые люди: охрана внутреннего порядка, доставка почты и другие. С целью стимулирования казаков на борьбу с искоренением разбоев на Волге, в декабре 1738 г. кабинет-министры постановили выплачивать им по три процента от стоимости всех отнятых ими у разбойников товаров, которые те захватили у купцов. При этом решено было объявить казакам, что «им такое

награждение дано сверх жалованья за их в поимке злодеев радение, и чтоб они и впредь в искоренении и о свободной Волгою коммерции крайнее старание имели...» [11]. И хотя данный указ имел прямое отношение к событиям, в которых участвовали казаки Волжского войска, однако, данная практика, по всей видимости, распространялась на все казачьи команды. Различные меры поощрения за поимку контрабандистов, например, применялись в отношении гребенских и терских-семейных казаков в 1740-х гг., охранявших границу России на Кавказе, а также красноярских казаков, оборонявших рыболовные ватаги и калмыцкие улусы в дельте Волги. В частности, лошади, захваченные у «воровских» партий, по решению губернских властей в виде вознаграждения передавались участвовавшим в поимке служилым людям. Так, в 1743 г. губернатор В.Н. Татищев распорядился наградить «за прилежный над кайсаками поиск» поручика Рязанского драгунского полка Безобразова лошадью из захваченных у казахов. Лошади были также употреблены, в первую очередь, для компенсации потерь воинской команды, потерявшей в сражении с налетчиками несколько своих лошадей, а остальных приказано было разделить поровну между драгунами и казаками [19, л. 319-319об.].

Доставка почты осуществлялась в ближайшие города. Черноярские казаки доставляли ее в Царицын, царицынские казаки – в Дмитриевск и Черный Яр и т.д. От Астрахани до Черного Яра почту доставляли донские либо волжские казаки, командировавшиеся в Астрахань, и местные татары (на этом расстоянии выставлялось восемь почтовых станов). На каждом из них располагалось первоначально по шесть человек, в 1723 г. приказано было направить на каждый почтовый стан десять служилых людей (от Астрахани до Черного Яра выставлялись по четыре казака и шесть татар). В зимний период они жили в землянках. В летний период доставка почты осуществлялась на лодках. На каждом почтовом стане должны были находиться две лодки. Перевозку почты осуществляли два или четыре человека в лодке. В зимний период доставка велась сухопутным путем. Казаки и приданные им татары должны были иметь своих лошадей для перевозки почты (по две лошади на каждого) и всю необходимую

конскую сбрую (хомуты и т.д.), а также телеги либо арбы, из расчета две лошади на одну телегу (арбу). Если выпадал снег, то вместо телег употреблялись сани. Кроме того, казаки и татары должны были иметь «ко обороне от неприятельских людей оружие исправное». В ноябре 1743 г. Астраханская губернская канцелярия по требованию почтмейстера Петра Исакова определила содержать на каждом почтовом стане от Астрахани до Царицына по 12 человек. Соответствующие указы были посланы комендантам в Черный Яр и Царицын [5, л. 73-73об.].

Кроме того, казаки несли службу на форпостах, которые располагались на правобережной («нагорной») стороне Волги на определенном расстоянии один от другого, «как разъездами обнять можно». Указ Астраханской губернской канцелярии от 1723 г. предписывал черноморскому коменданту «как разъезды иметь, так и крепость охранять от набегов воровских людей тамошними определенными гарнизона людьми, понеже за многими расходами из Астраханского гарнизона послать некого» им в подмогу [3, л. 310об.]. Количество казаков на форпосте определялось местным комендантом. Возглавлял команду, как правило, офицер или представитель казацкой старшины. Расположение форпостов диктовалось конкретными задачами службы. От Черного Яра форпосты выставлялись не только вдоль Волги в обе стороны от города, но и в степь для наблюдения за передвижением кочевников, так как в первой половине XVIII в. существовала угроза нападения крымских татар и ногайцев. Ежегодно казакам выдавалось на каждого человека по фунту пороха для фузеи [3, л. 310об.]. Представление о служебной деятельности городских казаков дает донесение Астраханской губернской канцелярии в Военную коллегию от 9 декабря 1745 г. В нем отмечалось: «в городах Черном Яру и в Царицыне от погорения оных городов казаки еще в состоянии не пришли и те, за неимением других, употребляются у калмыцких дел и в почтовой гоньбе и конвоях и за тем на форпосты располагать некого» [18, л. 71об.].

Однако это не означало, что в XVIII в. казаки городских команд несли службу только в окрестностях родного города. Их активно привлекают к вы-

полнению заданий за пределами своих городов. Так, 12 августа 1724 г. Петр I указал выбрать из «низовых казаков от Самары до Астрахани 300 человек, которые были в финском походе, и отправить в Гилянью». Командиром этого сводного отряда («головой») был назначен Петр Терской [20, с. 128]. Эта команда пробыла на службе в Низовом корпусе до его вывоза из Персии. По определению Верховного тайного совета с 1727 г. ежегодно 900 казаков, в том числе 300 казаков из поволжских городов, каждое лето привлекались для службы на форпостах, которые учреждались по «нагорной» стороне Волги от Царицына до Саратова «на особливом жалованье» [2, с. 60]. В период русско-турецкой войны (1736-1739 гг.) сборная команда, состоявшая из 115 саратовских и 32 черноморских казаков, воевала в составе войск генерала-фельдмаршала Ласси [24, с. 56].

С 1737 г. для службы при калмыцких делах наряжалось сто человек из состава Саратовской команды, 20-25 человек из состава Дмитриевской команды, 45 человек из состава Царицынской команды и т.д. – всего 300 человек. Данная служба заключалась в обеспечении безопасности российского представителя в Калмыцком ханстве и недопущении междоусобных калмыцких столкновений, а также в обеспечении охраны калмыцких улусов от набегов других кочевников, преимущественно казахов. В 1740-х гг. казаки городовых команд были задействованы для конвоирования на судах крещеных калмыков, переселяемых из улусов в основанный для них город Ставрополь-на-Волге [22, с. 107-124]. В 1739 г. было определено содержать при калмыцком хане Дондуке Омбо одну роту драгун и двести казаков из поволжских городовых команд из числа тех, «которые в 727 году нарочно к калмыцким делам определены» [7, л. 83]. После основания в 1742 г. на правом берегу Волги между Астраханью и Черным Яром Енотаевской крепости туда была перемещена двухсотная казачья команда, находившаяся в распоряжении состоявшего при калмыцких делах полковника Н. Спицына, а также рота драгун Астраханского гарнизонного драгунского полка [15, л. 20об.-21об.].

Так как многие калмыцкие улусы на зимовку останавливались в окрестностях Красного Яра и рыболовных ватаг в дельте Волги, то особенно часто

приходилось задействовать для их обороны в 1740-х гг. казаков Красноярской команды. В январе 1743 г. астраханский губернатор В.Н. Татищев приказал красноярскому коменданту подполковнику Сумфельту «для прикрытия и сохранения калмыцких улусов от набегов воровских киргиз кайсак учредить ис красноярских казаков от Красного Яру к морю разъезды и расположить оных казаков на двух ватагах» по десять человек на каждой. На красноярских казаков возлагалась дозорная служба («иметь разъезд непрестанной»). При появлении «воровских» казахов командиру стоявшего в Красном Яру Рязанского драгунского полка предписывалось «чинить над ними поиск» [9, л. 1].

Помимо выполнения прямых служебных заданий городовые казачьи команды привлекались к различным строительным работам. Так, в 1723 гг. в Астрахани находилась команда самарских и алексеевских солдат и казаков, которые выполняли плотничную работу во дворце, строившемся для Петра I [3, л. 29об.]. Из Черного Яра также высылали в Астрахань казаков для проведения различных строительных работ. Как следует из указа Астраханской губернской канцелярии от 19 июля 1723 г., черноморскому коменданту было велено направить «из казаков» столяра (Михаила Григорьева) и плотников (Василия Козбеорова, Ивана Пахомова, Ивана Малянова, Степана Ломонова, Ивана Мазинова, Ивана Овчинникова) «к прежним на перемену». За невысылку в Астрахань плотников и столяров полагался штраф, что свидетельствует о том, что подобные командировки были для черноморских казаков обычной практикой [3, л. 342об.].

Служба являлась для казаков постоянной обязанностью на протяжении большей части жизни. Переход из казачьей службы в другой род войск не допускался. Так, например, в 1723 г. Астраханской губернской канцелярии стало известно, что исполняющий обязанности коменданта города Самары майор Дмитриев разрешил перейти из «конных казаков в пешие солдаты» Василию Грязнову и Михаилу Симбирскому, а на их места в казаки были зачислены солдаты Василий Волковонов и Яков Ключенов. Из Астрахани сразу же приказали симбирскому воеводе Хрущеву выяснить, на каком основании были осуществ-

лены данные переводы людей из одной службы в другую. Предположив, что данный перевод мог быть связан с проблемами со здоровьем, симбирскому воеводе поручили выяснить этот вопрос. Если никаких причин к перемене службы не было, то приказано было вновь определить В. Грязнова и М. Симбирского в казачью службу, а обоих солдат перевести на прежнее место службы [3, л. 256-256об.].

Казачья служба должна была служить, пока им позволяли силы и здоровье. Их служба была постоянно связана с риском для жизни. В указах по пополнению городских казачьих команд обычной была формулировка: определить «на место умерших». К выполнению служебных обязанностей городские казачьи команды, по мнению астраханского губернатора В.Н. Татищева, были подготовлены лучше, чем, например, казаки Волжского войска. С ними ни в какое сравнение не шли и вспомогательные отряды калмыков, которые также как и казаков часто использовали на внутренней и внешней службе. Сравнивая городских и волжских казаков, губернатор отмечал, что «у старых городских казаков ... у многих ружье довольно исправное, а у некоторых, наипаче у волжских, худое или весьма нет». Он указывал, что «городские казаки под смотрением комендантов гораздо исправнее и к войне способнее», чем казаки Волжского войска. По мнению В.Н. Татищева, калмыки уверенно чувствовали себя в сражении только в том случае, если действовали вместе с казаками. При этом калмыки «не стыдясь, одного городского казака за трех калмык почитают» [21, с. 299]. Наблюдения губернатора подтверждаются практикой тех лет. В 1738 г., например, из Черного Яра в степь на разведку о передвижении казахов выехали черноморский казак Яков Шульпин и три калмыка [17, л. 89-89об.].

Причину более высокого состояния готовности к службе у казаков городских команд, чем других иррегулярных войск, астраханский губернатор видел в системе организации их служебной деятельности. Во-первых, городские казаки находились под присмотром комендантов. Во-вторых, занимались только службой и не имели побочных доходов, кроме определенного им жалованья. В-третьих, городских казачьих команд имели постоянную численность, которая

не позволяла казакам уклоняться от выполнения служебных обязанностей, как это нередко практиковалась в казачьих войсках. Во многих из них до середины XVIII в. не было постоянного штата. Казаки могли выставить вместо себя на службу других лиц.

Освобождение от казачьей службы могли получить только те, кто был уже не в состоянии выполнять служебные обязанности. Примеров этому не мало. Так, в 1723 г. были отставлены от службы казаки Царицынской команды Василий Чернышев, Прокофий Игнатьев и Борис Пахомов, которые, по свидетельству царицынского коменданта полковника Селиванова, «за старостями и за болезнями явились в службе быть негодными» [3, л. 334]. В 1742 г. черноморский комендант премьер-майор Белов поставил вопрос об увольнении от службы казака Якова Мурыгина, который «по свидетельству лекарскому явился за имевшеюся на нем болезнью, також за старостию в казачьей службе быть неспособен» [6, л. 6]. Однако это не означало, что казаки выходили в отставку полностью недееспособными. Тот же царицынский комендант Селиванов докладывал, что неспособные к службе казаки «по торговым промыслам в посаде быть достойны», благодаря чему их определили в местный посад.

Комплектовались казачьи команды в городах Поволжья преимущественно за счет определения на вакантные места детей казаков. В 1723 г. из Астраханской губернской канцелярии приказали царицынскому коменданту детей казаков, в том числе и тех, кто был отставлен от службы, «от торгов и промыслов отрешить» и определить в «его императорского величества службу» [3, л. 93]. В 1737 г. астраханский вице-губернатор Л.Я. Соймонов направил в Черный Яр указ об определении в казачью службу детей казаков, в соответствии с которым местный комендант зачислил на вакантные места 15 казачьих детей [4, л. 55об.]. В 1742 г. Черноморская казачья команда вновь пополнилась девятью казачьими детьми, а возможно, что их могло бы быть еще больше, так как отмечалось, что многие казачьи дети «за отлучками к осмотру не представлены» [6, л. 6об.]. Зачислению в казаки полагались только дети, достигшие определенного возраста. Черноморский комендант докладывал в 1737 г. Астраханской гу-

бернской канцелярии, что многие казачьи дети «за малолетством» оказались не годны к службе. В 1742 г. астраханский губернатор В.Н. Татищев лично проводил в Черном Яру смотр кандидатов на зачисление в местную казачью команду. По его определению, «из означенных казачьих детей явилось к службе годных токмо девять человек, а прочие за малолетством к службе неспособны» [6, л. 6]. Малолетних казачьих детей в 30-40-х гг. XVIII в. стали определять в школу. Указание об этом имеется в документах, относящихся к переписке с черноморским комендантом. При этом школа должна была находиться непосредственно в Черном Яру.

Наряду с этим рассматривались и другие возможные варианты комплектования городских казачьих команд. Как известно, Астраханская трехсотная казачья команда на три четверти была сформирована в 1737 г. из крещеных калмыков. Однако большинство из них к осени 1742 г., по словам астраханского губернатора В.Н. Татищева, разбежалось «от тягости подвод». В связи с этим он предложил Военной коллегии в добавление к оставшимся 111 казакам «в Астрахани и в Красном Яру казаков набрать из разночинцев прежних стрелецких и казачьих детей, а к тому из донских верховых казаков и новокрещеных татар и калмык хотя до 500 человек» [12]. В 1743 г. в Астраханскую казачью команду были зачислены 11 человек из числа освобожденных из ногайского плена, которые были признаны годными в казачью службу. С этого времени казачья команда в Астрахани после отчисления из нее крещеных калмыков (их отправили на жительство в Ставрополь-на-Волге [22, с. 107-124]) стала пополняться исключительно русскими людьми [23, с. 81-82].

В нашем распоряжении имеется список детей казаков, определенных в казачью службу в Черном Яру в 1737 г. Это были Кирилл Марин, Иван Попов, Петр Васин, Яков Черемхин, Семен Мургин, Иван Постухов, Яков Лепехин, Семен Водопьянов, Яков Квакин, Иван Розгонов, Петр Круцчинов, Кузьма Колмогоров, Николай Четвергов. В одно время с ними в команду по решению местного коменданта были зачислены сын черноморского сотника Семена Уренцова Григорий Уренцов, а также сын отставного пушкаря Тимофея Сережничко-

ва Потап Сережников [4, л. 56]. Анализ списка Черноярской казачьей команды 1786 г. показывает, что спустя полвека в Черном Яру продолжали служить казаки, предки которых поступили на службу в 1737 г. Это относится к потомкам казаков, носивших фамилии Марин, Попов, Разгонов, Лепехин, Колмагаров, и пушкаря Сережникова. С большой долей вероятности можно утверждать, что присутствующие в списке 1786 г. представители фамилий Черемин и Мурыгин имеют прямое отношение к указанным в списке 1737 г. Я. Черемхину и С. Мурмину (фамилия Мурыгин в составе Черноярской казачьей команды упоминается 1742 г.). По всей видимости, представители рода Ваулиных, указанные в списке Черноярской казачьей команды 1786 г., также являются потомками толмача, впоследствии черноморского дворянина и коменданта Черноярской крепости Сергея Ваулина, имя которого неоднократно упоминается в документах и мемуарах, относящихся к 1730-х гг.

С другой стороны, почти половина фамилий из числа определенных в городскую команду в 1737 г. вообще не встречается в списке Черноярской казачьей команды 1786 г. По этому поводу остается предположить, что П. Васин, И. Постухов, С. Водопьянов, Я. Квакин, П. Круцчинов, Н. Четвергов, Г. Уренцов по каким-то причинам выбыли из состава Черноярской команды. Не исключено, что они не оставили в Черном Яру потомства по мужской линии, либо их потомки еще не достигли к 1786 г. возраста, необходимого для зачисления в казачью службу. Впрочем, возможно, что ограниченный состав казачьей команды не позволил кому-то из представителей этих фамилий вступить в службу именно в данной команде. Исследователи отмечают, что дети казаков, достигшие совершеннолетнего возраста, зачислялись в казаки не только в команды своего города, но и в другие, где были вакансии [24, с. 39-40].

Кроме того, казаков могли переводить с одного места службы на другое. Так, при образовании в Астрахани в 1737 г. Трехсотной казачьей команды в ее состав влилось около половины Красноярской казачьей команды (из красноярцев «казачьей службы» в нее были переведены три человека в сотники, шесть – в урядники, двенадцать – в капралы) [16, л. 621об.-622]. Подтверждением этой

практики может также служить списочный состав Астраханского казачьего полка, в котором в 1766 г. служили 48 человек из городских команд поволжских городов (от Самары до Красного Яра) [10, с. 9]. Кстати, к моменту расселения казаков Астраханского полка по станицам в середине 1760-х гг. в его составе числилось уже свыше ста шестидесяти отставных казаков и старшин. Из них были отобраны около ста человек и поселены в двух станицах Копановской и Косикинской, образованных в 1766 г. на правом берегу Волги по обе стороны от Енотаевской крепости. Одним из двух капралов, поселенных в Косикинской станице, был Григорий Уренцов [10, с. 27]. По всей видимости, этот тот самый человек, который поступил на службу в Черноярскую казачью команду в 1737 г., но со временем был переведен на службу в Астраханский казачий полк.

Таким образом, городские казачьи команды являлись военными подразделениями, созданными в XVIII в. по указанию правительства России, для выполнения специфических служебных задач, характерных для «конной службы». В этой связи следует признать, что государство сыграло важную роль в становлении у городских казачьих команд традиций казачьего самосознания. Его основа была заложена в особенностях комплектования (пополнение команд велось преимущественно детьми казаков, переход из казачьей службы в другую исключался) и служебной деятельности этих команд.

Источники и литература:

1. АВПРИ. Ф. 103. Оп. 1. 1735 г. Д. 5.
2. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995.
3. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 53.
4. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 624.
5. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 876.
6. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 827.
7. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 951.

8. ГААО. Ф. 394. Оп. 4. Д. 71.
9. ГААО. Ф. 394. Оп. 4. Д. 217.
10. Горбунов Н.П., Полежаев А.И. История станиц Астраханского казачьего войска. – Астрахань, 2003.
11. ПСЗ. Т. 10. № 7710.
12. ПСЗ. Т 13. № 9727.
13. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 424.
14. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 429.
15. РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 465.
16. РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 471.
17. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 87.
18. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 188. Ч. 1.
19. РГВИА. Ф. 410. Оп. 1. Д. 106.
20. СИРИО. Т. 56.
21. Татищев В.Н. Записки. Письма. – М.: Наука, 1990.
22. Торопицын И.В. Переселение крещеных калмыков в Ставрополь на Волге // Архив Русской истории. – М.: Древлехранилище, 2002. № 7.
23. Торопицын И.В. Астраханская трехсотная казачья команда: предпосылки создания, особенности формирования и обеспечения // I-е Бирюковские чтения. Материалы Бирюковских чтений (16 января 2009 года). – Астрахань, 2009.
24. Цыбин В.М., Ашанин Е.А. История волжского казачества (к 300-летию Саратовской, Камышинской и Царицынской казачьих станиц). – Саратов: Приволжск. кн. изд-во, 2002.

Статья опубликована в сборнике: Государственная служба казачества: история, современность, перспективы: Материалы Всероссийской научной конференции (20-30 марта 2010 г., г. Старый Оскол). Старый Оскол, 2010. С. 27-43.